

сказ об убийстве Андрея Боголюбского составителем протографа СІ—НІV были, по-видимому (как мы уже указывали), вставлены весьма многозначительные слова о том, что заговорщики «съвещаша на своего кормителя и господина». Под 6724 (1216) г. протограф СІ—НІV ввел в общерусское летописание подробный рассказ о битве под Липицей, в которой новгородцы разбили войска владимирских князей Юрия и Ярослава. Рассказ этот основывался на тексте Новгородской I летописи, но в СІ—НІV к нему были сделаны обширные дополнения (основанные на не известном нам источнике),⁷² основной смысл которых сводился к осуждению Юрия и Ярослава, нарушивших права своего старшего брата Константина. «Мы пришли есмя, брате Юрьи и Ярославе, — заявляет новгородский посол мятежным князьям, — не на пролитье крови, не дай Бог сътворити того! Управимся, мы есме племенници, а дадим старшинство Константину...». В рассказе появляется новый персонаж — боярин Юрия и Ярослава Творимир, который укоряет своих князей: «Княже Юрьи и Ярослава, а меньшая братья в вашей воли; оже бы по моему гаданию, лучши бы мир взяти и дати старшинство Костяньтину...».

С теми же тенденциями было связано и включение в протограф СІ—НІV рассказа 6883 г. о бегстве в Тверь предателей Ивана Васильева (Вельяминова) и Некомата, поссоривших Дмитрия Донского с Михаилом Тверским, с характерным добавлением, отсутствующим в тверском источнике рассказа: «Се же писах того ради, понеже огонь загорися».

Перечисленные здесь темы СІ—НІV представляются несколько странными и весьма мало актуальными для конца 10-х—начала 20-х годов XV в. Ни о какой борьбе за власть в этот период мы ничего не знаем. До 1425 г. великокняжеский престол занимал Василий Дмитриевич, права которого никем не оспаривались; спокойными были и первые пять лет правления его сына Василия II (пока был жив митрополит Фотий, фактически правивший за юного князя).

Судя по тенденциям свода — протографа СІ—НІV, свод этот вероятнее всего относится к 30—40-м годам XV в. — времени борьбы за московский престол. Именно в этот период традиционные призывы против «братоненавидения» обретали актуальный характер: они должны были осмысляться как указание на борьбу между Василием Васильевичем и его родичами — галицкими князьями. Борьба за московский престол началась в 1430 г., когда Юрий Дмитриевич Галицкий, ссылаясь на завещание Дмитрия Донского, согласно которому престол после смерти старшего сына должен был достаться Юрию, отказался признать власть племянника. М. А. Салминой посчастливилось найти очень интересный отголосок этого династического спора в тексте Слова о житии Дмитрия Донского в СІ—НІV, где к словам из завещания Дмитрия о передаче Василию Дмитриевичу великого княжения сделано характернейшее добавление: «яже есть стол отца его и деда и прадеда».⁷³

После смерти Юрия в 1433 г. борьбу возобновили его сыновья — Василий Косой и Дмитрий Шемяка; закончилась она только в начале 50-х годов, когда Василий Темный одержал, наконец, победу над Дмитрием Шемякой. Феодалная война 30—40-х годов изобиловала «обидами» по отношению к «братии», но в ходе той же борьбы — в связи с неуклонно надвигавшимся распадом Орды — неоднократно вставал вопрос

⁷² Дополнения эти обнаруживаются, кроме СІ—НІV и восходящих к ним летописей, также в первой части Тверского сборника. Не отражение ли это ростовского источника, лежащего в основе первой части этого памятника (см. выше, прим. 49)?

⁷³ М. А. Салмина. «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», стр. 99—100.